

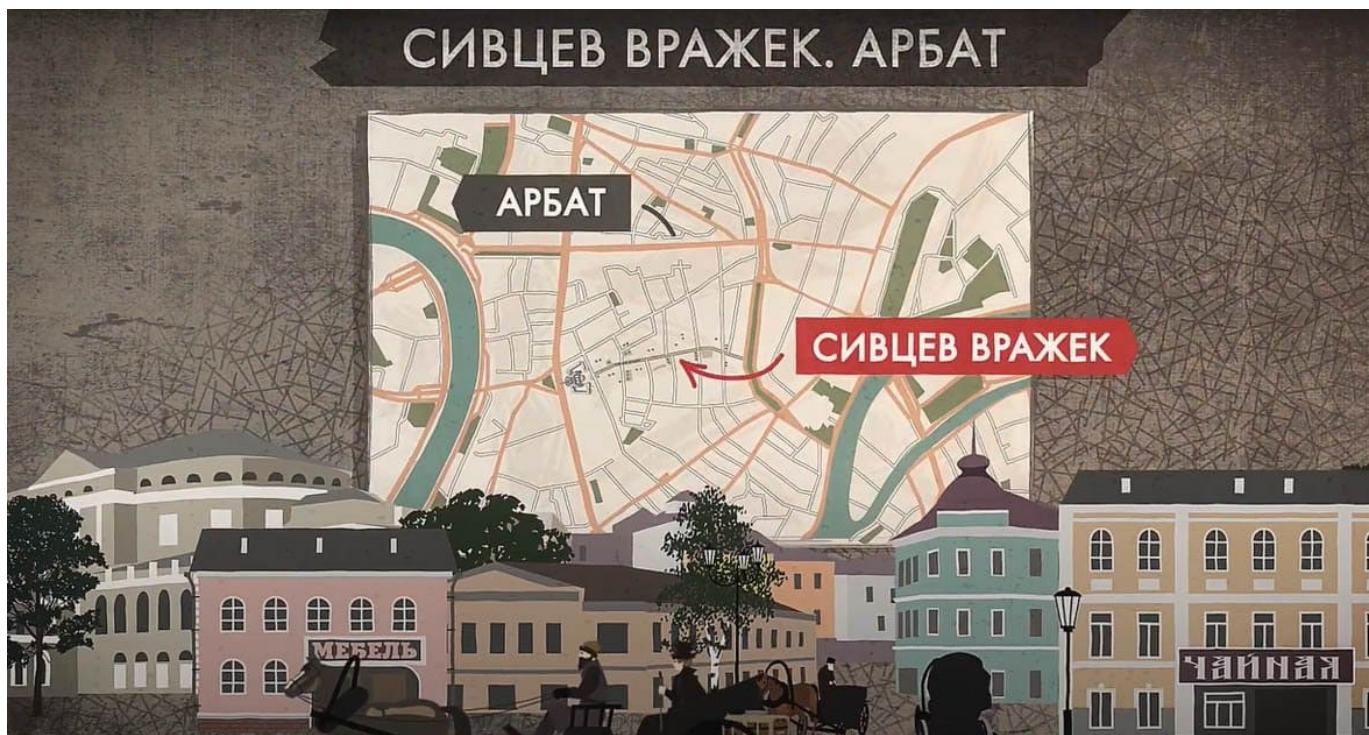
НАША ГАЗЕТА

 nashagazeta.ch

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Позапрошлая война на улице Москвы

14.03.2024.

(DR)

Лозаннское издательство Éditions Noir sur Blanc заготовило всем любителям хорошей литературы очередной подарок, который с сегодняшнего дня можно найти в книжных магазинах Швейцарии и Франции.

«О сколько нам открытий чудных...» Кто-из нас помнит эту пушкинскую строку по первоисточнику, кто-то по эпиграфу к популярной в Советском Союзе телепередаче «Очевидное-невероятное». Однако на этот раз мы хотим адресовать ее не деятелям науки и просвещения, но лозаннскому издательству Éditions Noir sur Blanc, то и дело дарящему нам те самые чудные открытия, связанные с нашей же отечественной литературой.

Имя сегодняшнего открытия – Михаил Осоргин. Его малую известность, а то и совсем неизвестность российскому читателю можно в какой-то мере объяснить, если обратить внимание на хронологию издания его книг: до 1918 года – в Москве, в 1921-м – в Риге, а потом – в Париже, Таллине (до 1938 года), Софии, Нью-Йорке... И даже в

1985 году его «Мемуары изгнанника» были опубликованы еще за рубежом – в №84 журнала «Время и мы», выходившего с 1975 по 2001 год сначала ежемесячно в Тель-Авиве, а с 1981 года каждые два месяца в Нью-Йорке. Интересно отметить, что именно в этом журнале, единственным штатным сотрудником которого значился Виктор Перельман, были впервые опубликованы роман Александра Галича «Блошиный рынок», «Поэма существования» Наума Коржавина, «Персональное дело коммуниста Юфы» Виктора Некрасова, «Соло на ундервуде» и «Невидимая книга» Сергея Довлатова.

Пробел был заполнен начиная с 1989 года, когда книги Осоргина выпускались в России одна за другой, а в 1999 году даже вышло Собрание сочинений в двух томах.

Его довольно подробную биографию можно легко найти в открытых источниках, поэтому остановимся лишь на нескольких ее моментах. Михаил Андреевич Ильин, позже взявший фамилию бабушки, родился в 1878 году в Перми в семье потомственных столбовых дворян – некоторые специалисты утверждают, что род вел свою историю от Рюриковичей. Печататься в журналах начал еще в гимназические годы и продолжил это занятие, уже будучи студентом юридического факультета Московского университета, где участвовал в студенческих волнениях и профессионально интересовался положением бедных слоев населения.

Михаил Осоргин (1878-1942)

Как и многие просвещенные люди его поколения, Осоргин критически относился к самодержавию, что привело его сначала к женитьбе на дочери народовольца Маликова, а год спустя – к партии эсеров и к подготовке революции 1905 года, хотя его участие в ней осталось опосредованным: в его московской квартире и на даче

устраивались явки, проводились заседания комитета партии социалистов-революционеров, редактировались и печатались воззвания, обсуждались партийные документы. Воздержавшись от прямого участия в революции, он изменил позицию во время декабрьского вооруженного восстания 1905 года, после чего был объявлен опасным «баррикадистом» и посажен на полгода в Таганскую тюрьму. Освобожденный под залог, он немедленно уехал в Финляндию, а оттуда – через Данию, Германию, Швейцарию – в Италию и поселился близ Генуи, на вилле «Мария», где образовалась эмигрантская коммуна.

Первое вынужденное изгнание длилось десять лет. За это время имели место книга очерков об Италии, увлечение футуризмом и принятие иудаизма (не из религиозных или идеологических соображений, а ради женитьбы на адвокате Рахили Гинцберг), отход от партии и присоединение к масонам, основанное на главенстве этических принципов над партийными интересами.

С началом Первой мировой войны тоска по родине стала невыносимой, и в июле 1916 года Михаил Осоргин нелегально вернулся. Приняв Февральскую революцию 1917 года, он вошел в комиссию по разработке архивов и политических дел в Москве, работавшую с архивом Московского охранного отделения, стал широко печататься. Но длилось это недолго: после октября 1917 года Осоргин выступил против политики большевиков, однако арестован был не сразу, а лишь в 1919 году. За то время, что он оставался на свободе, Осоргин вместе с друзьями, среди которых был Николай Бердяев, открыл ставшую знаменитой в Москве «Книжную лавку писателей», просуществовавшую до 1922 года.

В августе 1921 года Михаил Осоргин был вновь арестован и вновь отпущен – на этот раз благодаря Фритьюфу Нансену, активно помогавшему в то время в [борьбе с голodom](#) в России. Отпущен, но выслан в Казань. А осенью 1922 года он был выслан окончательно – на знаменитом «философском пароходе», вместе с другими светлыми умами России. В книге «Как нас уехали» Михаил Осоргин привел комментарий Троцкого на ту высылку: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно». Счастливцы, проскочили! Еще несколько лет, и повод бы нашелся, да и искать его уже не стали бы.

Проведя год в Берлине, Осоргин обосновался в Париже, где в 1926 году заключил третий брак – с историком Татьяной Бакуниной, не имевшей отношения к знаменитому анархисту. До 1937 года он сохранял советское гражданство, а потом жил вообще без паспорта, даже нансенского. Но жизнь шла своим чередом – до июня 1940 года. После оккупации Парижа фашистами, Осоргин с женой бежали из французской столицы и поселились в Шабри, на том берегу реки Шер, который еще оставался французским. Там Осоргин написал книгу «В тихом местечке Франции» и «Письма о незначительном». Там же и умер, в 1942-м.

«Осудив войну, писатель размышлял о гибели культуры, предупреждал об опасности возвращения человечества в средневековье, скорбел о непоправимом ущербе, который может быть нанесен духовным ценностям. Вместе с тем он твердо стоял за право человека на свободу личности. В «Письмах о незначительном» писатель провидел новую катастрофу: «Когда война закончится, – писал Осоргин, – весь мир будет готовиться к новой войне», отмечает неизвестный, увы, автор статьи в Википедии, и каким же мощным набатом, согласитесь, звучат сегодня эти слова!

MIKHAÏL
OSSORGUINE

UNE RUE
À MOSCOU

Traduit du russe par Léo Lack

Такое длинное вступление показалось нам важным для того, чтобы, читая роман «Сивцев Вражек», вы оценили, сколько автобиографического, наболевшего вложено в нем Михаилом Осоргиным, вспоминая о котором его современники отмечали, что в отношениях с людьми он выше всего ставил не совпадение идейных убеждений, а человеческую близость, основанную на благородстве, независимости и бескорыстии, не забывая упоминать о его мягкой, тонкой душе, об артистичности и изяществе облика.

Роман-хроника «Сивцев Вражек», самое известное произведение Михаила Осоргина, вошел в упомянутый выше двухтомник российского выпуска 1999 года, а вообще был написан в Париже в 1928-м и в следующем году там же опубликован. Между этими датами была еще одна – 1973 год: именно тогда в швейцарском издательстве L'Âge d'Homme хорошо известного вам Владимира Димитриевича книга впервые вышла на французском в переводе Лео Лака. И вот теперь перечитанное и исправленное самим же господином Лаком издание увидело свет в серии «[Библиотека Дмитрия](#)», о которой мы тоже уже рассказывали.

По-французски роман назван «[Улица Москвы](#)», что, возможно, и неплохо, поскольку не только иностранцам, но и многим россиянам и даже москвичам, особенно не коренным, название «Сивцев Вражек» может ничего и не сказать. А потому стоит пояснить, что речь идет о переулке в центре Москвы, между Гоголевским бульваром и Денежным переулком. Название переулок получил в 17 веке, и произошло оно от оврага («вражка»), по дну которого текла небольшая река Сивец (или Сивка), известная еще с века 14-го и в свою очередь получившая название по «сивому» (серому) цвету воды. Сивцев Вражек несколько раз менял свое название, становясь то Троицким, то Протасьевским, то Подьяческим. В 1910-х годах начал обозначаться Сивцевым Вражком, да так и остался.

Несмотря на сказочный для русского глаза и уха элемент в названии – ведь там, где Сивка, обязательно и Бурка, и вещая каурка – в романе Михаила Осоргина ничего сказочного нет, он повествует о совершенно реальных исторических событиях. Сивцев Вражек для автора – символ той почти исчезнувшей интеллигентской Москвы, где прошла его юность и которую он, вероятно, и считал своей Родиной. Можно сказать, что символ выбран верно, если вспомнить, что в разных домах этого переулка – часть которых исчезла, а часть стала памятниками архитектуры – в разные годы жили или останавливались проездом Марина Цветаева и Максимилиан Волошин, Михаил Шолохов и Ираклий Андроников, Мария Ермолова и Лев Толстой, Александр Герцен и Евгений Пастернак...

Исследователи творчества Михаила Осоргина отмечают, что он следовал традициям Гончарова, Тургенева и Толстого. Не вступая в дискуссию, автор этих строк добавила бы в этот ряд и Пушкина – черты его любимой героини просматриваются в Танюше Осоргина. Однако больше всего поразило нас почти физически ощущимое, осязаемое присутствие в романе [Пришвина](#) и Булгакова. При чем с самых первых строк. Судите сами.

«В беспредельности Вселенной, в Солнечной системе, на Земле, в России, в Москве, в угловом доме Сивцева Вражка, в своем кабинете сидел в кресле ученый-орнитолог Иван Александрович. Свет лампы, ограниченный абажуром, падал на книгу, задевая уголок чернильницы, календарь и стопку бумаги. Ученый же видел только ту часть страницы, где изображена была в красках голова кукушки.

Не ученые мысли бродили в его голове, а простая житейская о том, сколько лет ему осталось жить. Унесла его эта мысль вглубь леса, где кукует кукушка, и сколько прокукует – столько и жить осталось. Таково народное поверье, и не глупее оно всякого другого предсказания. Ошибается кукушка, как ошибаются врачи. И ни один врач не может предсказать, когда человека задавит трамвай».

«Как имя первой осиротевшей матери? Поставлен ли ей памятник с фонтаном – фонтаном слез? В чьем альбоме красуется марка первого письма, написанного солдатом с фронта? И первый стон раненого записан ли граммофоном? Веревкой ли задушено или камнем придавлено первое открытое, вслух брошенное проклятие? Отныне впредь на много лет ничья ищущая мысль, ничье живописующее перо не запашет и не взрастит поля без красных маков войны» Заметим, что к моменту создания этого романа М. М. Пришвин уже много чего написал о разных пернатых, а М. А. Булгаков в декабре 1928 года только приступил к работе над «Мастером и Маргаритой», где прославил на весь мир трамвай, отрезавший голову несчастному Берлиозу. Однако «Собачье сердце» и «Белая гвардия» уже были опубликованы, в 1925 году, и трудно не уловить протянутые из них к «Сивцеву Вражку» незримые и никаким мечом не разрубаемые нити: речь ведь не о плагиате, конечно, а об удивительном единомыслии людей со столь разными личными судьбами, но с общей болью за судьбу страны, где им довелось родиться. Заметьте, эти нити тянутся и дальше: фамилия одного из персонажей Осоргина Мертваго. Читал ли Борис Пастернак этот роман?

Мы не будем пересказывать содержание романа, искренне надеясь, что вы доставите себе удовольствие от знакомства с ним. Хотим лишь очень кратко, пунктирной линией и несколькими цитатами, проследить вместе с вами развитие центральной сюжетной линии – Первой мировой войны. Уже на первых страницах романа Михаил Осоргин обличает бессмысленность ее «повода»: «Когда маленький серб научился хорошо стрелять, он решил сделаться национальным героем. Для этого нужно убить врага нации – иного способа стать героем не придумано. А так как много маленьких сербов учились стрелять в цель на стене курятника, то одному из них судьба непременно должна была послать новую цель – грудь австрийского эрцгерцога. Этого могло и не случиться».

Этого могло бы не случиться, дорогие читатели, не стукни в голову молодому человеку тщеславие и ложное понимание блага нации. Но ему стукнуло, и не смог уютный домик в Сивцевом Вражке оградить от войны семью профессора орнитологии, и загубила война всегда расчетливого Эрберга, и превратила в обрубок блестящего офицера Столыникова, и наградила ночными кошмарами дезертира Андрюшу, и лишила вдохновения старенького пианиста Эдуарда Львовича, написавшего свой последнийopus...

«Как имя первой осиротевшей матери? Поставлен ли ей памятник с фонтаном – фонтаном слез? В чьем альбоме красуется марка первого письма, написанного солдатом с фронта? И первый стон раненого записан ли граммофоном? Веревкой ли задушено или камнем придавлено первое открытое, вслух брошенное проклятие? Отныне впредь на много лет ничья ищущая мысль, ничье живописующее перо не запашет и не взрастит поля без красных маков войны», - писал Михаил Осоргин сто лет назад о Первой мировой войне. Может, ошибкой было их нумеровать, словно накликавая следующие?

«Что война прикончена, про то в деревнях знали; о том же, кто теперь правит

Россией, правда ли, что царя увезли и чего хотят большевики, понятие имели самое смутное и фантастическое». Что же случилось после той войны под номером 1 и мира, никого не удовлетворившего? Случилась революция, а с ней – террор, принесший новые разрушения, новые бесчисленные жертвы, превративший обычного человека Завалишина в профессионального убийцу, настолько пропитавшегося чужой кровью, что его собственная кровь перестала сворачиваться. «Будьте сволочью и не разводите юни» – не это ли девиз всех Шариковых и Носорогов?

Каждая война возвращает человечество в средневековье. Но если мы уже знаем, что историей запланировано Возрождение, почему бы не исхитриться и не перескочить, словно через овраг/вражек, этот постыдный этап, чтобы не мучиться до скончания веков вопросами «кто виноват?» и «что делать?»

[русская литература в Швейцарии](#)

[русская литература на французском языке](#)

[русская литература во французских переводах](#)

[Михаил Осоргин](#)

Source URL:

<https://rusaccent.ch/blogpost/lavant-derniere-guerre-dans-une-rue-de-moscou>